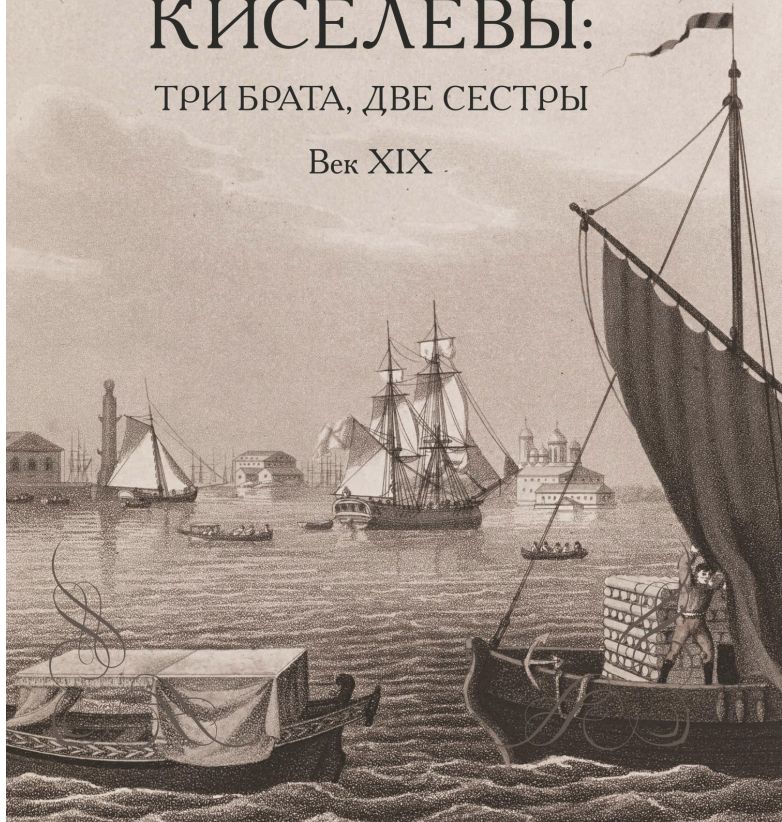

Виктор Королев

КИСЕЛЁВЫ:

ТРИ БРАТА, ДВЕ СЕСТРЫ

Век XIX

Виктор Владимирович Королев

Киселевы: три брата, две сестры. Век XIX-й

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53457403

Киселёвы: три брата, две сестры. Век XIX-й. Исторический роман:

Академиздат; Новосибирск; 2019

ISBN 978-5-6041997-7-0

Аннотация

Их было пятеро. Три брата и две сестры Киселёвых. Без них XIX-й век был бы скучен, неполон, и неизвестно, что стало бы без них с Россией. Киселёвы «писали набело» отечественную историю. Но сегодня их имена и дела незаслуженно забыты.

Автор знакомит читателя с реалиями тех далёких времен. Повествование обширно, многогранно – тут и малоизвестные подробности войны с Наполеоном, и дворцовые заговоры с любовными историями, и дворянский быт с неизменными дуэлями... На страницах романа встретятся композиторы и поэты, царедворцы и военачальники. Все эти знатные личности так или иначе связаны с Киселёвыми. Иногда их жизненные пути были настолько тесно и неожиданно переплетены, что остаётся удивляться, как автор смог создать такое сложное полотно.

Впору историю России изучать по этому художественному произведению.

Язык книги предельно насыщен, фабула динамична и полна интриги. Роман читается на одном дыхании.

Книга Виктора Королева «Киселёвы: три брата, две сестры. Век XIX-й» предназначена для массового читателя старше 16 лет.

Содержание

Кристалл, ожививший историю	5
Часть I	11
Дмитрий Киселёв и Прасковья Урусова	11
Прасковья Киселёва и старший сын Павел	17
Павел Киселёв и Михаил Милорадович	22
Павел Киселёв и Александр I	26
Павел Киселёв и Мария Нарышкина	29
Елизавета Алексеевна и Людвиг ван Бетховен	34
Александр I и Жозефина Богарне	42
Павел Киселёв и Алексей Аракчеев	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Виктор Владимирович
Королев
Киселёвы: три
брата, две сестры
Век XIX-й
*Исторический роман***

Кристалл, ожививший историю

В наше время в свет выходит немало литературных произведений, посвященных тому или иному историческому периоду. Беда только в том, что такие романы часто изобилуют необоснованными вымыслами авторов, желающими придать максимальную эффектность своим трудам.

Вот как по этому поводу ответил недавно в своем интервью издательству «Союз писателей» Виктор Королев: «В течение пятидесяти лет я занимался журналистской деятельностью, а это постоянная работа с информацией. Потому, наверное, мне интересно с разных сторон сравнивать, насколько истинны найденные факты, не искажают ли они действи-

тельность».

Роман В. Королева «Киселёвы: три брата, две сестры. Век XIX-й» поражает читателя сочетанием удивительной легкости изложения и в то же время насыщенной плотностью повествования. Читая книгу, мы узнаем много нового – или вспоминаем давно забытое старое – о том, что когда-то «проходили» в школе. Автор пишет настолько увлекательно, ярко, что теперь уже эти знания надолго останутся с нами. Так бывает на лекции талантливого преподавателя – сухая наука превращается в удивительное действо. Автор то погружается в глубины истории, то выныривает в наши дни, легко, иногда с долей иронии, проводя аналогии между словами и поступками людей разных эпох. Герои его романа становятся живыми, им сочувствуешь, за них переживаешь...

«Ты какой-то новый жанр открыл: как многогранный кристалл, в котором – смотря как к свету повернешь – и правда, и апокрифы так тесно переплетены, так намешаны, что и не знаешь, верить тебе или нет! А читается захлеб. Книжица твоя – моя бессонная ночь... Какой ты молодец, однако – все персонажи ожили, заговорили во весь диапазон – от рая до преисподней, окликнули то ли в былом, то ли в будущем...» (Владимир Плюхин, главный редактор журнала «Сибирские веды»).

Разностороннее образование автора позволяет ему использовать весь накопленный опыт и знания в нелегком литературном труде, ведь только обширный жизненный опыт

вкупе с полученными знаниями формируют базу для создания действительно значимого художественного произведения.

Коротко о биографии автора. Виктор Королев родился в 1949 г. в г. Кемерово. Окончил Уральский госуниверситет, Новосибирскую высшую партшколу, Академию общественных наук при ЦК КПСС, Московскую школу экономики. Кандидат исторических наук. Работал в городских газетах Дальнего Востока и Западной Сибири, в столичных журналах, государственных и коммерческих структурах. Автор более 10 книг. Как соавтор, составитель и редактор участвовал в издании около 20 книг. Член Союза писателей России и Союза журналистов РФ. Лауреат различных литературных конкурсов, дипломант премии Минобороны РФ в области культуры и искусства (номинация «Литературное творчество») и др. Академик Международной академии информатизации. Живёт в Екатеринбурге.

В том же интервью издательству на вопрос, какова цель его жизни, писатель ответил так: «Хочу увидеть, как прекрасен этот мир будет завтра – без войн, озлобленности, повальной коррупции и обмана. Увидеть, что люди вновь потянулись к искусству, что не закрываются массово библиотеки, а за хорошими книгами стоят очереди. Что культура больше не финансируется по остаточному принципу, а государство понимает, что инвестиции в неё – это самые выгодные вложения».

Новый роман писателя переносит нас в кипучую эпоху правления императора Александра I, а затем и Николая I, в девятнадцатый век, полный исторических событий, в центре которых оказались три брата и две сестры знаменитого рода Киселёвых. Автор знакомит с реалиями тех времен, и мы вместе с героями переживаем многочисленные дворцовые коллизии, ужасы войны с Наполеоном, государственные реформы. Повествование обширно, многогранно – тут и разговоры, и любовные истории, и дуэли, и дворянский быт тех давних времен...

Немало страниц посвящено нашему великому поэту Александру Пушкину, который был знаком со всеми тремя братьями Киселёвыми. Мы встречаем на страницах романа композиторов и поэтов, царедворцев и военачальников. Все эти известные люди так или иначе соприкасались с Киселёвыми, иногда их жизненные пути были настолько тесно и неожиданно переплетены, что удивляешься, как автор смог создать такое сложное историческое полотно. Впору историю России изучать по этому художественному произведению!

Сам Виктор Королев рассуждает об этом так: «Пикуль говорил, что изучать по художественным произведениям историю нельзя – но я ни одного факта там не извратил, не приврал... Старался, чтобы было интересно – тем более что про них, пятерых Киселёвых, мало кто знает. А они достойны, они очень много сделали для России...» Читаешь книгу, и

возникает как раз это ощущение – предельной искренности автора, чувствуешь его желание вернуть память о достойных сынах Отечества.

Наверное, многие из нас в глубине души задают себе вопрос: «А зачем писать снова и снова о таких далеких от нас днях?» Автор отвечает на него, опять же цитируя Валентина Пикуля: «Нельзя быть патриотом сегодняшнего дня, не опираясь при этом на богатейшее наследие наших предков. Знание прошлого Отечества делает человека богаче духом, тверже характером и умнее разумом. Культура народа всегда зависима от того, насколько народ ценит и знает свое прошлое».

Сложно что-то к этому добавить. В наше непростое время требуется предельно честное осознание истории России, много раз переписанной в угоду политическим веяниям. Как тут не вспомнить и полные горечи слова В. Королева об убийстве генерала Милорадовича: «Подлый убийца губернатора Санкт-Петербурга считается у нас почему-то героем, а ему перед казнью декабристы даже руки не подали».

Историям, описанным в романе, веришь. Его героям симпатизируешь и сострадаешь, их запоминаешь... «Не знаю, как найти слова, достойные твоей книги о Киселёвых... Она перевернула всё в душе. Это просится на экран, прямо представляется большое кино, неужели никто не увидел?! Главное, конечно, чтобы взялся режиссёр, не менее талантливый, чем автор. По силе и пронзительности – у меня давно тако-

го не было. Твои Киселёвы – мои герои!» (Нина Соколова, инженер-конструктор).

Ну что ж, всё сказанное верно! Возможно, когда-нибудь мы станем свидетелями экранного перевоплощения героев этого романа. А пока прочтите книгу – не пожалеете.

Марина ЗЕЙТЦ,

член Союза писателей России

Часть I

Павел Дмитриевич Киселёв

Старший брат

Дмитрий Киселёв и Прасковья Урусова

Все Киселёвы – столбовые дворяне. Ветви генеалогического древа их раскидисты и толсты, словно у многотысячелетней оливы, что на Крите сегодня растёт. По Готскому альманаху и Общему гербовнику российскому, род Киселёвых насчитывает тринадцать с лишним веков. Знать, реальная это знать была. Но нас интересует лишь кусочек – век девятнадцатый, да и то не полностью. Из всех родовитых Киселёвых речь ниже поведём о трёх единокровных братьях, двух их сёстрах и о тех, кто окружал эту пятёрку, – по годам и дням, по именам и связям, по добрым поступкам и бесчестным деяниям.

Однако начать нам всё равно придётся издалека, с родителей пятерых Киселёвых, с века XVIII-го.

«В тот год осенняя погода стояла долго на дворе... Снег выпал только в январе». Не дождавшись его,

утром в предпраздненство Богоявления, государыня Екатерина долго молилась и наконец, похмелившись наливочкой, приказала трогаться. Вояж предстоял как никогда долгий, к полуострову Таврическому, где её «голубчик Гришаня» уже заждался, строя недолговечные деревни и вечные крепости. Гвардейцы-молодцы, лошадей взяв под уздцы, повели из Царского Села длиннющую кавалькаду. На огромную карету императрицы дивились все. Десять четвёрок в одной упряжке – никогда такого не видано! И сотни, сотни других карет – это тебе не рыбный обоз... На первой же остановке всё население уездного города Луга высыпало встречать государыню-императрицу. Купцы крестились истово, гремя золотыми, в палец, цепями. Бабы кланялись матушке в пояс, мечтательно вздыхая: «Кабы я была царицей...» Мужики – купцам не ровня, чернь и дворня – по-своему тосковали по матушке, крича что-то нечленораздельное и бросая в воздух картузы и шапки. Народ не безмолвствовал, он ликовал искренне, восторженно и тупо...

Сразу после новогоднего праздника, 3 января 1787-го – как говорится, в тот же год и в тот же час – молодой московский щёголь Дмитрий Киселёв надумал жениться. Ему шёл уже двадцать шестой год, официально он являлся сыном заместителя (по старому стилю – товарища) генерал-губернатора Первопрестольной. Матери своей он никогда не знал, а отца помнил больше по портретам – строгий старик с огромными седыми бакенбардами словно предупреждал его:

«Смотри, сынок, коли хочешь жизнью жуировать, так гляди в оба!»

Двадцать лет как родителя нет. «Спасибо, батюшка, за доброту и ласку, нажуировался всласть, пора и в оба глядеть!» Примерно так думал молодой повеса, летя на тройке по Тверской. Он, единственный и далеко не бедный наследник, по-нынешнему «мажорчик», ехал обручаться.

Девицу присмотрел не сам, но и возражать не стал, когда старый князь Волконский, благоволивший к семейству Киселёвых, познакомил Дмитрия с дочерью губернского прокурора, известного московского театрала Урусова. Получив приглашение «бывать запросто» по вторникам, молодой человек стал самостоятельно посещать дом основателя труппы будущего Большого театра, вёл осторожные и вполне приличные беседы с родителями девушки и её братом.

Сама Прасковья в разговоры не вступала, как и полагалось по канонам того времени, но присутствовала и взгляды красноречивые кидала. Кому надо, тот всё понимал. Приподнявшаяся грудь княжны и ланиты, мгновенным пламенем покрытые, выдавали с головой девицу двадцати лет с небольшим хвостиком: уж как ей замуж нестерпёж.

В тот день князь Урусов по-отечески тепло сказал молодому человеку:

– Сударь, сами видите, что вам здесь рады. Внешностью наружной вы недурны, дочь благоволит вам, небрежности в поведении и одежде не обнаружено. Но надо подождать, по-

ка государыня-императрица не отбудет в Таврический вояж. Когда двор тронется и столица опустеет, вот тогда можно и в Белокаменной серьёзные вопросы решать...

Другой бы спорил, а Дмитрий только рад был. Тем более что все затраты – от свадебной корзинки и колец до подвенечных нарядов и вечернего бала – Урусовы взяли на себя. Впрочем, так было принято: если девица немолода, свадьба делается скромной и за счёт родителей невесты.

Словом, мужчины ударили по рукам, и князь позвал жену и дочь. Им торжественно объявили решение, слуги подали шампанское. Прасковья подошла к будущему мужу для первого поцелуя. Обручение состоялось. Никаких особых слов ни с чьей стороны больше сказано не было.

Сразу после Пасхи по изогнутым московским улицам носились гонцы-курьеры с приглашениями. Каллиграфические букочки, писанные ореховыми чернилами и посыпанные золотой пудрой, извещали:

«Князь Пётр Васильевич Урусов и княгиня Александра Сергеевна, урождённая Салтыкова, покорнейше просят пожаловать на бракосочетание дочери их Прасковьи Петровны с Дмитрием Ивановичем Киселёвым пятнадцатого апреля в восемь часов вечера в Церковь Казанской Иконы Божией Матери, затем в дом Урусовых на Тверской для поздравления новобрачных».

Из почётных гостей был только бывший главнокомандую-

ций Москвы князь Волконский – насквозь больной, он с трудом добрался из своего подмосковного имения, приехал порадоваться на протезе, привёз дорогие подарки. Жениху достался весомый кошелёк с золотыми монетами. Но он больше рад был подарку от родителей невесты – каменному дому на Волхонке.

После церкви, уже на Тверской, Урусов-старший уступил Волконскому своё законное место, посадил рядом с дочерью. Танцевать бывший генерал-губернатор не мог, потому бал начался не с кадрили, а с красочного водевиля – вся труппа театра в нём участвовала. Актёры умело разогревали гостей. Вино и шампанское текло рекой. Веселье продолжалось до полуночи, и во время котильона со сменой дам и кавалеров никто не заметил исчезновения новобрачных.

...Когда поезд императрицы вернулся из Крыма в столицу, в середине июля, статс-дама Прасковья Киселёва сообщила мужу о беременности. Он искренне обрадовался: не знавший матери, плохо помнящий отца, Дмитрий был согласен с княжной, что детей должно быть много. В семье Урусовых также вздохнули с облегчением: «Уложились до возвращения двора Ея Императорского Величества».

Можно сказать, управились до войн: в сентябре 1787-го началась вторая война с Турцией, чуть позже – со Швецией. А в Царском Селе императрица объявила настоящую войну своему сыну, который к тому времени успел со второй женой породить уже пятерых. Павел I и пригласил к себе Дмитрия

Ивановича, который до того не испытывал никакого желания служить – ни партикулярно, ни в полку. Но быть офицером при наследнике престола – это лучшее из двух зол, так что в начале следующего года молодой муж засобирался в Гатчину. А первенца, который появился на свет 8-го января, Киселёвы решили назвать Павлом в честь будущего императора.

Прасковья Киселёва и старший сын Павел

Первенец Киселёвых детство провёл в московском доме родителей. Сперва аж семь няnek за ним ходили, потом, как водится, мсье их всех сменил. Понятно, что ребёнок был резов и мил. Папаша его бывал в Белокаменной наездами, раз в полгода, а в Северной столице он стремительно шёл в рост, получая должности и ордена.

Однажды, вскоре после восшествия Павла I на престол, полковник Дмитрий Киселёв находился во дворце, ожидая в адъютантской выхода императора. Среди присутствующих сановников вспыхнул небольшой спор о том, кто теперь весомее в стране. Дмитрий Иванович негромко сказал:

– В России нет более значимого человека, чем тот, с кем разговаривает Его Императорское Величество, и лишь на то время, пока он с ним говорит.

Адъютанты тут же передали сие Павлу, императору афоризм очень понравился, Киселёв мгновенно получил звезду на эполеты и был переведён в Московский полк.

Семья воссоединилась к великой радости Прасковьи Петровны. К тому времени у Киселёвых родились ещё двое детей: второй сын Сергей и дочь Елизавета. Княжна сияла от счастья, а новоиспеченный генерал с казарменной нежностью называл её Парашей и обещал бесконечно заниматься

продолжением рода, несмотря на служебные отлучки.

Дом Киселёвых посещали многие известные артисты, художники, литераторы. Частыми гостями здесь были И. И. Дмитриев и Н. М. Карамзин.

Иван Иванович Дмитриев поражал хозяйку дома своим ироничным отношением ко всему, что не касалось поэзии, с удовольствием играл с её старшим сыном, называя при этом Павлушу «сизый голубок». Он писал стихи, дружил с Державиным, другими популярными в то время поэтами, но мягкая скромность и ранимое благородство не позволяли ему оказаться на Парнасе в первом ряду.

Николай Михайлович Кармазин обращался с языком намного смелее своего родственника, и был уже знаменит не только «Бедной Лизой». Он издавал журнал, живо интересовался всем новым, что происходило в мире, и самозабвенно рассказывал о якобинцах и жирондистах, о новой французской конституции и казни парижских монархов.

Людовику XV было 54 года, когда умерла его фаворитка маркиза Помпадур. Он смотрел из окна на траурную процессию. Шёл дождь, и король произнёс: «Какой неудачный день она выбрала». Ему было грустно: недавно он потерял сына и невестку, на смертном одре находилась и супруга. Спасла от тоски-кручины молодая красотка, которую привели к нему в спальню. Король остался доволен, но когда узнал, что Жанна – обычная проститутка, потребовал срочно выдать её замуж за дворянина. Так она стала

графиней Дюбарри. Жене дофина Марии-Антуанетте было всего четырнадцать лет, она люто возненавидела новую фаворитку своего свекра и поклялась, что не скажет Жанне Дюбарри ни слова. На что новоявленная графиня заявила: «Вы, мадам, хоть и младше почти на десять лет, а умрёте всё равно раньше меня!» Так и вышло. Людовик XVI кончил жизнь на гильотине в январе 1793-го, жена его была казнена в октябре, а Жанна – в декабре. Последние слова её были: «Ещё минуточку, господин палач, всего одну минуту!»

Прасковья Петровна гладила по голове своего старшенького и не всерьёз пеняла Карамзину:

– Вы, любезный Николай Михайлович, такими жуткими историями Павлушу не пугайте, он у нас воспитывается на консервативных канонах, на культуре монархической власти. Лучше попотчуйте нас чем-нибудь из российской истории!

Павел ходил у матери в любимчиках. Учителей она ему заказывала лучших в Москве, ежевечерне проверяла уроки. Мальчик делал явные успехи в чистописании и словесности, иностранных языках (французский знал вообще в совершенстве), любил географию и историю, с ранних лет ездил верхом, прекрасно фехтовал. Правда, позднее сам признавался, что «из светского полотёра превратиться в боевого генерала» помогло самообразование. Он много читал – и не английские романы, а капитальные труды французских просветителей и античных авторов, интересовался всеобщей историей, политэкономией и философией, политической и худо-

жественной литературой.

Прасковья Петровна тщательно подбирала и друзей для Павла:

– Ты должен всегда помнить, что рождён для великих дел, поэтому и общаться, сынок, тебе необходимо лишь с достойными сверстниками.

В число достойных попали молодой князь Пётр Вяземский и благовоспитанный студент университета Александр Тургенев. Дружбу с ними Павел Киселёв сохранит до конца дней.

В 1799 году император отправит полк отца на Кавказ, где ситуация для России складывалась далеко не блестяще. Дмитрий Иванович пробудет там до марта 1801-го. Сразу после убийства Павла I он подаст в отставку. Займётся, как и обещал, продолжением рода, станет счастливым отцом третьего сына, которого назовут Николаем в честь святого угодника, хранившего генерала в бесконечных стычках с беспокойными горцами.

Через три года высочайшим указом Александра I его превосходительство Д. И. Киселёв (уже не генерал, а по штатскому табелю о рангах – действительный статский советник) будет назначен главноприсутствующим Московской оружейной палатой. Место это тихое, но почётное – как раз для него.

Несмотря на Тильзитский мир и братские объятия с Наполеоном, страна медленно, но верно приближалась к новой войне. И когда она началась, в боевых сводках снова замель-

кала фамилия Киселёв. Но то был не Дмитрий Иванович, а уже его старший сын.

Восемнадцатилетний кавалергард Павел Киселёв первый раз понюхал пороху в мясорубке под Гейльсбергом, где авангард Багратиона насмерть стоял, защищая прусские редуты от лучших наполеоновских полков. Корнету Киселёву, к счастью, не довелось оказаться в гуще битвы, потому и жив остался.

Пруссия пала, и королевский двор Фридриха Вильгельма III оказался в Петербурге. На время этой спасительной эмиграции молодой красавчик Киселёв был назначен ординарцем при консорт-королеве Луизе, принцессе Мекленбург-Стрелицкой. Он вошёл в придворную среду, как нож в масло. Великолепные манеры и обходительность, знания чужих языков и умение держать свой язык за зубами сразу сделали его «своим человеком» в комнатах прусских монархов. А дружба с напарником, героем Аустерлица Алексеем Орловым, незаконнорожденным сыном графа Ф. Г. Орлова, напомнила ему заветы матери. Павел уже и сам начинал думать, что рождён для великих дел, хотя догадывался, что без протекции наверх не пробиться.

Немало помог ему в этом генерал от инфантерии Михаил Милорадович.

Павел Киселёв и Михаил Милорадович

Во время Бородинского сражения Павел Киселёв, заменив погибших начальников, некоторое время командовал эскадром. Награждён орденом Святой Анны третьей степени. Сразу после битвы под Москвой был назначен адъютантом генерала Михаила Андреевича Милорадовича.

Поэт и писатель Фёдор Глинка (его романс «Вот мчится тройка почтовая» и прочие произведения будет распевать вся Россия), оставил словесный портрет генерала Милорадовича во время боя:

«Вот он, на прекрасной, прыгающей лошади, сидит свободно и весело. Лошадь оседлана богато: чепрак залит золотом, украшен орденовыми звёздами. Он сам одет щёгольски, в блестящем генеральском мундире; на шее кресты (и сколько крестов!), на груди звёзды, на шпаге горит крупный алмаз... Средний рост, ширина в плечах, грудь высокая, холмистая, черты лица, обличающие происхождение сербское: вот приметы генерала приятной наружности, тогда ещё в средних годах. Довольно большой сербский нос не портил лица его, продолговато-круглого, весёлого, открытого... Улыбка скрашивала губы узкие, даже поджатые. У иных это означает скупость, в нём могло означать какую-то внутреннюю силу, потому что

щедрость его доходила до расточительности. Высокий султан волновался на высокой шляпе. Он, казалось, оделся на званый пир! Бодрый, говорливый (таков он всегда бывал в сражении), он разъезжал на поле смерти, как в своём домашнем парке; спокойно набивал трубку, дружески разговаривал с солдатами... Пули сшибали султан с его шляпы, ранили и били под ним лошадей; он переменял лошадь, закуривал трубку, поправлял свои кресты...»

Суворов называл его лучшим учеником. Кутузов после Бородино обнял его со словами: «Ты всю Россию, считай, спас!» Двадцать с лишним лет генерал Милорадович провел в боях. Более пятидесяти сражений – больше, чем у Наполеона! Всегда впереди, на коне, в парадном мундире со всеми орденами – и ни разу не ранен. Он был кавалером высших наград России и всех европейских держав – редчайший случай в истории! И такого человека выстрелом в спину убил 14 декабря 1825 года отставной поручик Каховский. Сегодня имя подлого убийцы мы знаем из школьных учебников, а того, кто спас Россию двести лет назад, практически забыли.

По словам самого Киселёва, он с сожалением покинул Кавалергардский полк. Лamentировал матери в письме, успевшей уехать из горящей Москвы:

– Единственно, надеялся я при генерале с блестящей репутацией изучать войну. Но после Бородинской баталии мы занимаемся совсем не боевыми делами: составляем всякие

списки да пишем регулярные доклады...

Эти доклады и сыграли, наверное, главную роль в его жизни – спасибо родительскому воспитанию, учителям да друзьям, литературно одарённым. Милорадович был в полном восторге от обстоятельности и точности в письменных изложениях нового адъютанта. И в один из дней, когда в действующую армию прибыл император, он отправил Киселёва с докладом в ставку. Александр I оценил манеры и способности бывшего кавалергарда и... назначил его своим флигель-адъютантом.

Если кто не знает, это – высокое штаб-офицерское звание. Флигель-адъютанты безотлучно находятся при государе-императоре и носят особый мундир с аксельбантами и эполетами. А главный знак принадлежности к свите Его Императорского Величества – царский вензель Е. И. В. на погонах. Это дорогого стоит.

Главная и единственная обязанность флигель-адъютанта – передавать штабные команды на фланги. С этими поручениями придворный адъютант Киселёв справлялся чётко и быстро, Е. И. В. было довольно. Ему и в голову не могло прийти, что император просто узнал в бравом штабс-капитане того, кто вместе с Алексеем Орловым ночью стоял на часах у спальни Луизы Прусской, жены короля Фридриха Вильгельма III.

В ту ночь Алексей вдруг вытянулся во фрунт, когда какой-то высокий незнакомец в чёрной накидке подошёл к две-

рям. Киселёв автоматически сделал так же. Через час, услышав тяжелые шаги, оба отвернулись к окну. Павел не стал спрашивать у Орлова, кто это был. И друг смолчал.

То молчание оказалось золотым. Оба потом получают графские титулы, генеральские погоны и высокие должности. Прав был Михаил Милорадович, повторяя своему бывшему адъютанту: «Ни о ком не скажешься – в раю окажешься».

Павел Киселёв эту истину, как и всю службу при государе-императоре, понял правильно. Он успешно выполнит ещё целый ряд важных и пикантных поручений Александра I.

Павел Киселёв и Александр I

Консорт-королева Луиза Прусская умрёт от сердечной недостаточности в 1810 году. Император Александр будет занят в тот год другими делами и другими женщинами. Но когда русская армия войдет в Европу, он навестит дом короля Фридриха Вильгельма III, обнимет его по-братски и ахнет от красоты Луизиной дочки, шестнадцатилетней принцессы Фридерики Шарлотты. Упускать из рук такое маленькое чудо он никак не захотел и тут же организовал помолвку принцессы со своим младшим братом Николаем.

Уже шёл Венский конгресс, и дела заставляли императора присутствовать на совещаниях в австрийской столице. Потому в Берлине на официальном обеде, где объявлялось о будущей помолвке, присутствовал его адъютант Киселёв. И прусская принцесса, и великий князь Николай Павлович были просто очарованы его манерами и блестящими тостами. Они его запомнят...

Предложение провести мирную конференцию именно в Вене исходило от Александра I. Официально открытие Конгресса было запланировано на 1 ноября 1814 года. Однако высокие гости начали съезжаться уже с начала сентября. К их прибытию австрийская столица прихорашивалась. Большинство домов и официальных зданий были отреставрированы; на холмах вокруг

королевского замка выставлены десятки пушек, которые должны были приветствовать прибывающих гостей. В столицу Австрии съехалась блестящая и пестрая толпа: императоры и императрицы, короли и королевы, наследные принцы и принцессы, великие князья и княгини! А ещё адъютанты, советники, журналисты, артисты, законные жёны и любовницы, полудамы полусвета, шпионы и мошенники всех возрастов и калибров. Присутствовали семьсот делегатов и около ста тысяч гостей.

Императора Александра весь мир боготворил за победу над Наполеоном. Даже официально именовали его «Освободитель Европы» (зря Сталин в 1945 году не вспомнил про это!) Русскому царю позволялось всё, и он это чувствовал. Если верить мемуаристам, полицейским протоколам и газетам, устным и письменным сплетням, за восемь месяцев в Вене у него было два десятка любовниц. Герцен позже напишет: «Александр любил всех... кроме своей жены». Поговаривали даже, что семейные отношения русской императорской четы вот-вот рухнут, что Элиза (как звали императрицу Елизавету Алексеевну на немецкий манер) больше не вернётся в Петербург, а поселится у матери в родном Карлсруэ.

Передел Европы вёлся не только за столом переговоров, где яростно спорили заинтересованные стороны, но и в светских гостиных. Самые очаровательные женщины мира, танцующая, болтая или предаваясь любви, старались выведать что-нибудь у своего партнёра. В театральных ложах и альковах,

между улыбками и объятиями они буквально соревновались в добывании секретов. Через сто лет знаменитая Мата Хари погибнет в таких же стараниях, но в Вене шпионские игры происходили в каждой дворцовой комнате каждый божий день и каждую страстную ночь.

Александр упивался своей ролью, это была его стихия. Он галантно общался со всеми дамами, расточая им витиеватые комплименты и обнадёживая куртуазными намеками и обещаниями побеседовать тет-а-тет. Его адъютанты сбились с ног, прикрывая своего венценосного патрона во время его ночных визитов в чужие спальни. Обеспечивать императору алиби было необходимо – не только перед супругой, но и перед неизменной фавориткой Марией Нарышкиной, с которой император жил, не таясь, в Санкт-Петербурге и которую взял с собой в Европу.

Флигель-адъютанту подполковнику Киселёву выпала сложная задача: любыми правдами и неправдами отводить подозрения от своего шефа и всячески улаживать «вторую жену императора», которая хоть и не имела привычки ревновать, но мечтала лишь о том, чтобы отдалить законную супругу от Александра и нарожать ему как можно больше детей.

Отношения Павла Киселёва с фавориткой сразу сложились не простые.

Павел Киселёв и Мария Нарышкина

В 1802 году российский император Александр I влюбился в Марию Нарышкину, жену богатого сановника Дмитрия Нарышкина. Дочь польского князя Святополк-Четвертинского, она затмевала всех известных красавиц. Правда, при дворе шутили, что у мужа Нарышкиной две должности: явная – главного гофмейстера двора Е. И. В., и тайная – «великого магистра масонской ложи рогоносцев».

Старшая дочь Нарышкиной (её единственную из детей муж признает своей с правом наследования) станет фрейлиной и выйдет замуж за сына министра финансов графа Гурьева. Того самого, которого благословлял на эту денежную должность сам император Александр I. В присутствии всего Священного Синода царь поднес Гурьеву икону Владимирской Божьей матери на целование. Новый министр, приложившись, выкусил из оклада самый крупный бриллиант и спрятал его за щекой. Но вернёмся к героям нашего повествования...

Императору импонировало, что Мария Антоновна Нарышкина не претендовала на роль маркизы Помпадур, никогда не докучала царю ни просьбами, ни советами. В её обществе он отдыхал от государственных дел, расслаблялся и наслаждался. Александр отличал Марию от всех своих многочисленных любовниц: Нарышкина пробуждала в нём такие

порывы страсти, о которых он уже и мечтать не смел. В её объятиях Александр Павлович забывал всё.

Мария была дочерью польского вельможи. Мать её умерла, когда девочке было пять лет. В 15 лет Мария была пожалована во фрейлины, а в 1795 году выдана замуж за 31-летнего Дмитрия Нарышкина, одного из богатейших вельмож екатерининской эпохи. Чета жила с чрезвычайной роскошью, очень открыто, давала блестящие праздники и балы. Красота Марии Антоновны была до того совершенна, что «казалась невозможной, неестественной». Безукоризненность форм она подчёркивала простотой своих нарядов, на балах появлялась скромно одетой, держалась особняком.

На её ослепительную красоту и умение держать себя в свете сразу же обратил внимание цесаревич Александр Павлович. Официально бездетный император в течение 15 лет жил с Марией Нарышкиной «второй семьёй» и имел с ней нескольких детей, не доживших до зрелого возраста. Мария Антоновна была равнодушна к государственным делам. Её старшая сестра Жанетта, кстати, составила такую же «теневую семью» с младшим братом императора Константином.

Под конец Мария стала тяготиться своим положением. И до императора дошли слухи, что фаворитка обманывала его с князем Гагариным, с флигель-адъютантами, с родным племянником

Львом Нарышкиным, с множеством других дамских угодников. В 1824 году скончалась в Петербурге рождённая от императора её дочь Софья. Для императора Александра I смерть «дитяти адюльтера» стала просто ударом. Настолько сильным, что он вскоре охладел к фаворитке. В 1835 году М. А. Нарышкина поселилась с новым мужем в Одессе. Овдовев, вышла снова замуж и уехала за границу. Умерла в Мюнхене в 1854 году.

Как и раньше, император почти всегда обедал и ужинал с императрицей, на людях был почителен и нежен с ней. Он даже время от времени проводил с ней ночь в надежде на то, что Елизавета все-таки подарит ему законного наследника. Но у Елизаветы всё ещё нет детей, и ей приходится молча страдать, видя, с какой радостью Александр рассказывал придворным, что наконец-то забеременела Мария Антоновна Нарышкина, и при этом терпеть неслыханное унижение: фаворитка сама сообщила императрице о своем «интересном положении». Елизавета Алексеевна так описала этот случай в письме к матери в Баден: «Для такого поступка надо обладать бесстыдством, какого я и вообразить не могла. Это произошло на балу, я говорила с ней, как со всеми прочими, спросила о её здоровье, она пожаловалась на недомогание: „по-моему, я беременна“. Она прекрасно знала, что мне неизвестно, от кого она могла быть беременна».

В декабре 1806-го императрица, наконец, сама родила дочь, которую нарекли в честь матери Елизаветой. Чувствуя

себя одинокой и никому не нужной, она перенесла всю свою любовь на этого ребенка. Но через полтора года девочка неожиданно умерла от случайного воспаления. Императрица писала матери: «Теперь мое сердце очерствело. Душа моя отныне мертва».

А первая дочь императрицы умерла ещё в 1799 году, не прожив и года. Больше у Елизаветы Алексеевны детей не было. А император, прекрасно уживаясь одновременно с женой и фавориткой, по-прежнему не пропускал ни одну из понравившихся ему женщин.

На Венском конгрессе функции свитских флигель-адъютантов были строго распределены. Подполковнику Киселёву досталось дежурство у Марии Антоновны Нарышкиной.

Однажды поздно вечером она позвала его в свой кабинет.
– Вы можете исполнить мою просьбу? – спросила Нарышкина. – Я хотела бы вас попросить, чтобы вы организовали что-нибудь романтическое для императрицы. В среду, 29-го в десять вечера. Драму либо оперу специально для неё.

– Конечно, мадам. Я всё сделаю, – ответил Киселёв.

И добавил, как об этом просил его император:

– Александру Павловичу я сам доложу.

– Э, нет! – воскликнула Нарышкина. – Господин подполковник, докладывать не обязательно!

– Но я обязан это сделать, мадам!

– Будем считать это личной услугой, вы согласны, господин, ммм... полковник? – ласково улыбаясь, сказала тихо

Мария Антоновна...

Потом он люто возненавидит на всю жизнь эту фамилию – Нарышкины.

А просьба фаворитки была простая. И он быстро договорился с русским послом в Австрии графом А. К. Разумовским. Мать посла, урождённая Нарышкина, приходилась дальней родственницей Марии Антоновне, так что пожелание фаворитки было исполнено: оперу «Фиделио» композитора Людвиг Бетховена в назначенный день представят в королевском театре.

Елизавета Алексеевна и Людвиг ван Бетховен

В столицу Австрии российская императрица Елизавета Алексеевна прибыла в конце сентября 1814 года. В честь приезда высокой гостью на всем пути следования кареты был выстроен почетный караул, играли военные оркестры. Тысячи венцев высыпали на улицы посмотреть на жену русского царя и поприветствовать её. В ознаменование приезда императрицы была выбита серебряная медаль, на реверсе которой было отчеканено по латыни: «Её присутствие украшает Вену».

В воспоминаниях современников можно прочесть: «Возле императора Австрии сидела очаровательная императрица России. Этот ангел, спустившийся с небес, соединяя в себе все прекрасные черты, олицетворял собой всё то, что касалось счастья и успеха её мужа. Её выражение лица было очаровательно, в её глазах отражалась чистота её души. Её прекрасные пепельно-белокурые волосы свободно спадали ей на плечи. Её фигура была элегантной, стройной, гибкой. Она была богиней».

Елизавета Алексеевна, конечно, ревновала мужа к съехавшимся в столицу Австрии знатным красавицам. Императрицу сильно задевало, что её муж упивается вниманием других женщин. Жестоко уязвляло и то, что в Вену приглашена

и Мария Нарышкина. Сама она никогда не изменяла мужу. Разве что в Петербурге...

Когда Александр I был в действующей армии, Елизавета Алексеевна познакомилась со штаб-ротмистром Кавалергардского полка Алексеем Охотниковым. Про эту связь говорила вся столица, хотя многие свято верили в неприступность и верность императрицы своему мужу.

Но, вероятно, постоянные измены царя переполнили чашу терпения молодой женщины. Какое-то время Елизавета общалась со штаб-ротмистром только через письма, но потом они стали тайно встречаться каждый вечер.

Та к продолжалось два года, пока кавалергард не был смертельно ранен наёмными убийцами при выходе из театра. Презрев светские условности, императрица примчалась к одру возлюбленного и провела с ним последние часы. На собственные средства императрица поставила на могиле Охотникова пронзительно красивый памятник из белого мрамора – рыдающую женщину у поломанного молнией дерева. Кто нанял киллеров – неизвестно до сих пор.

Чего скрывать, до Охотникова был ещё Адам Чарторыжский, ближайший друг мужа. Она даже родила девочку от польского князя. Но того сразу выслали из Петербурга, а девочка вскоре умерла – так чего ж теперь прошлое ворошить? Императрице тогда и двадцати лет не было. Вон у мужа любовниц под двести, а тут всего двое...

В Австрии она была от амурных дел даже дальше, чем от

политики. С удовольствием посещала балы, обеды, приёмы, бывала на многочисленных концертах (в те времена они назывались академиями). Спокойствием дышат все письма императрицы, которые она в период Венского конгресса ежедневно отправляла матери. «Дорогая моя матушка! – пишет она тридцатого ноября 1814-го. – Каждый вечер здесь – бал или академия. Вчера давали прекрасную оперу. Вы не можете представить, какое впечатление произвела на меня эта божественная музыка. Почему-то она напомнила мне счастливые годы детства...»

Все присутствовавшие в театре долго аплодировали автору оперы «Фиделио». Елизавета одарила композитора Бетховена особыми комплиментами и пожелала послушать что-нибудь ещё из его сочинений. Флигель-адъютант Киселёв это увидел. А также увидел, что к финалу не оказалось в ложе ни императора, ни Марии Нарышкиной. Но – ничего не слышу, ничего не вижу, ничего никому не скажу...

Вскоре после того дня ему было присвоено звание полковника. А перед Новым годом снова потребовали в покои Марии Антоновны.

– Поздравляю вас, господин полковник, с присвоением высокого звания, – томно улыбаясь, пропела фаворитка «голосом номер семь». – Хотела бы попросить вас о похожей услуге. Не могли бы на двадцатое января организовать встречу известной вам мадам с композитором, которого она так высоко оценила?

Полковник Киселёв снова поехал к графу Разумовскому...

Узнав о том, что русская императрица приглашает его к себе, Людвиг Бетховен был потрясён до глубины души. Он пишет другу: «Если Её Величество пожелала меня ещё раз слушать, для меня это высочайшая честь. В какой форме лучше всего преподнести ей подарок? Если бы я только мог быть счастлив написать Её Величеству то, к чему больше всего тяготеет её вкус и её пристрастие!»

Ночью композитор не может уснуть. В свете оплывших свечей мечется по кабинету, то подсаживаясь к роялю и что-то наигрывая, то что-то записывая, перечёркивая вновь и вновь. У него есть только начало. Та к и не придумав ничего, к утру он просто присоединит вторую часть из написанного ранее. Оттого новая пьеса получится, словно склеенная второпях. Но переделывать уже некогда.

Его встреча с русской императрицей произошла 20 января 1815 года в личных покоях, выделенных супруге Александра I. Бетховен передал императрице при аудиенции сонату для виолончели.

– Ваше Величество, – сказал он. – Я решил посвятить этот опус Вашему супругу, столь много сделавшему для всех нас, смертных.

Императрица посмотрела на него несколько удивлённо, но тепло поблагодарила. Бетховен не уходил. Долго молчал, пока, наконец, не решился:

– Ваше Величество, простите мне мою неуклюжесть и неумение говорить, но прошу – примите и Вы от меня в подарок маленький презент...

И смущенно склонив поседевшую голову, протянул императрице ноты ночью написанной пьесы – *bagatelle* ля-минор.

– Господин Бетховен, – сказала, улыбаясь ласково, императрица, – я вам очень благодарна за подарок. Ваша музыка полна доброты, и потому она завоевывает сердца. Я преклоняюсь перед вашим талантом. И была бы вам признательна, если бы вы сами сыграли сейчас эту пьесу...

Композитор поднял голову, как только она начала говорить. Он молча смотрел на её губы, силясь разобрать слова. Её немецкий немало отличался от того, как говорят венцы, и ему было трудно уловить смысл сказанного. По её улыбке он видел, что к нему благосклонны, но также видел, как лицо богини, стоящей прямо перед ним, в каком-то полуметре, начинает покрываться алыми пятнами. И понимал, что крайне неприлично смотреть безотрывно в лицо императрицы, на её рот, на её тонкие, красиво изогнутые губы – но ничего не мог с собой поделать.

Молчание затянулось. Фрейлины императрицы, стоящие неподалеку, во все глаза смотрели на этого невзрачно одетого господина, которого словно паралич разбил.

– Та к что, господин Бетховен, не откажете в сей любезности? – снова спросила императрица, показывая на рояль в углу.

Бетховен посмотрел туда, куда она указывала рукой, и сразу понял, чего от него хотят. Он сел за инструмент, поднял крышку. Но ещё не успел сообразить, как императрица положила ноты – *bagatelle* ля-минор.

Он мог не смотреть на ноты, всю пьесу он помнил наизусть, играя её до рассвета. И он начал играть – для той одной, кому посвятил эту небольшую вещицу, этот «пустячок», как переводится с французского *bagatelle*.

Он ощущал у себя за спиной дыхание самой прекрасной женщины на свете, он был бесконечно влюблён в эту женщину и чувствовал себя полностью несчастным. Крещендо прозвучало у него как разрыв сердца. Он не слышал своей игры, и только когда медленно угас последний звук в рояле, пришёл в себя, медленно поднялся, повернулся к императрице.

Лицо Елизаветы светилось каким-то внутренним светом. Глаза сияли благодарностью. Губы приоткрылись и что-то произнесли, но он снова не разобрал. Фрейлины аплодировали у стены – он это видел. Потом Элиза, эта богиня, эта неземная женщина, этот ангел, подошла к столику, взяла там что-то и подошла к нему так близко, что он уловил аромат её духов и запах кожи.

– Я в полном восторге, господин Бетховен, – сказала императрица. – Это было незабываемо. Спасибо вам за такой подарок. Позвольте мне вручить вам в знак благодарности эту шкатулку.

И она протянула композитору маленькую деревянную

шкатулку с пятьюдесятью дукатами. Аудиенция была окончена. Бетховен молча поклонился и вышел. С того дня он никогда больше не играл публично. Более того, три года после этой встречи он не мог ничего написать. Ни-че-го! Ни строчки...

Двести лет никто не мог разгадать тайну, кому посвятил Бетховен свою гениальную пьесу *bagatelle* ля-минор «К Элизе»? Версий предлагалось немало. Но исследователи с неопровержимой точностью установили, что никогда у Бетховена не было романа с женщиной по имени Элиза...

Когда друзья разбирали бумаги покойного композитора, среди обрывков рукописей, незаконченных партитур и старых счетов они нашли перевязанное лентой письмо. Десять страничек, исписанных малопонятным бетховенским почерком. Вместо адресата всего два слова: «Бессмертной возлюбленной». Письмо начиналось словами: «Мой ангел! Мысли мои устремлены к тебе, моя возлюбленная...» Имя «бессмертной возлюбленной» осталось неизвестным. Композитор не захотел никого допустить к главной тайне своего большого сердца. А спустя двенадцать лет после Венского конгресса, узнав, что российская императрица так же внезапно, как и её супруг, скончалась, композитор тяжело заболел. Врачи никак не могли поставить диагноз, а ему становилось всё хуже и хуже. После его смерти в потайном ящике гардероба была обнаружена маленькая шкатулка, в

которой лежали пятьдесят дукатов – всё состояние, что осталось от гения.

Венский конгресс затягивался. В марте пришло известие, что Наполеон сбежал с острова Эльбы, высадился на побережье и движется к Парижу. Начались его знаменитые «сто дней». Из столицы Австрии быстро выехали почти все приглашенные. Императрица Елизавета Алексеевна со свитой также покинула Вену. Она отправилась через Мюнхен в родной Карлсруэ, где и встретила сообщение о победе под Ватерлоо. Император Александр Павлович в то время был уже в Париже.

Александр I и Жозефина Богарне

Поблаженствовав в Польше с Марией Валевской и разбив Пруссию, Наполеон Бонапарт нанес неожиданный визит Жозефине Богарне, которой после развода оставил дворец и звание императрицы. Он приехал в её дворец в Мальмезоне без предупреждения и без гвардейского эскорта. Жозефина выбежала навстречу, но потом остановилась в смущении, молча провела бывшего мужа в гостиную. Не прошло и полчаса, как Наполеон стремительно вышел оттуда. Его расхристанный и довольный вид явно свидетельствовал, что любовное свидание прошло так, как он и хотел...

Дворец и парк в Мальмезоне, что в десяти верстах от Парижа, просто огромные. Несколько столетий здесь был загородный дом одной богатой парижской семьи. Затем поместье купил генерал Бонапарт. В 1809 году Наполеон развелся, оставил дворец Жозефине, а сам женился на австрийской принцессе Марии-Луизе, которая вскоре родила ему наследника. После поражения под Ватерлоо Наполеон целых четыре дня прожил в Мальмезоне. Он специально приехал сюда, ожидая, что Франция снова позовет его. Напрасно – от него все отреклось, а бывшую жену Жозефину уже год как похоронили. «Как она умерла? Отчего?» – спросил Наполеон у своей падчерицы Гортензии. «От переживаний за Ваше величество», – дипломатично

ответила та. Не могла же дочь императрицы Жозефины сказать своему отчиму всей правды. . .

Русский император Александр I, взяв с собой лишь верного адъютанта полковника Киселёва, решил нанести визит Жозефине Богарне, разведённой императрице. Ему было интересно взглянуть на женщину, о любовных похождениях которой годами писала вся Европа. И, возможно, он думал, что неплохо бы к военной победе над Францией добавить и личную победу над бывшей женой своего бывшего врага.

Жозефина без колебаний согласилась принять русского царя в Мальмезоне. Выйдя к этому высокому, светловолосому, голубоглазому красавцу, она, как потом напишут историки, «ощутила слабость в самых чувствительных местах». Забыв, что перед ней победитель Наполеона, она пустила в ход все известные способы обольщения.

Не прошло и часа, как покоренный её чарами Александр был готов изгнать Бурбонов из Франции и вернуть трон Жозефине. Как близкие друзья, рука об руку прогуливались они в парке и на одной из аллей повстречали гулявшую с детьми Гортензию.

– Позвольте представить вам мою дочь, – повернулась Жозефина к царю. Александр бросил быстрый взгляд на молодую женщину, ещё вчера бывшую королевой Голландии, и тут же переключился с матери на дочь.

– Отныне, – горячо сказал российский государь, – я беру вас под своё покровительство.

И, нагнувшись к Гортензии, прибавил:

– Что я могу для вас лично сделать?

Жозефина ненадолго удалилась, оставив свою дочь наедине с императором. И всё правильно рассчитала: когда она вернулась, Александр уже пообещал смущённой Гортензии титул герцогини...

Русского императора одинаково влекло и к матери, и к дочери – по вечерам он стал частенько наведываться в Мальмезон. Хозяйка дворца умело расставляла свои сети, и однажды он остался у бывшей жены Наполеона до утра.

Жозефина торжествовала. Она решила, что выиграла эту любовную битву, может быть, последнюю в своей далеко не праведной жизни. Однако не прошло и двух дней, как экс-императрица заметила: русский царь отдаёт предпочтение Гортензии, и та совсем не прочь поддаться его обаянию.

Александр – тридцать семь, Гортензия моложе его на шесть лет. Завязавшийся между ними флирт мигом перерос в страстный роман. Как утверждают историки, иной раз он заходил так далеко, что флигель-адъютант Киселёв их часами не мог найти в потаенных комнатах дворца – впрочем, надо полагать, он не сильно-то и старался.

Жозефине скоро исполнится пятьдесят один. Красота её уже немало поблекла, лицо покрылось морщинами. И сейчас она просто ненавидела свою дочь. Но сдаваться – нет, сдаваться она не собиралась!

Российский император не обманул. Пользуясь своим вли-

ниями на союзников, Александр I добился для матери и дочери особых привилегий. За Жозефиной сохранялись дворцы в Мальмезоне и Наварре, а владения Гортензии в Сен-Ле получили статус герцогства, и ей была установлена ежегодная пенсия в четыреста тысяч франков.

Чтобы отпраздновать это, новоявленная герцогиня пригласила на 14 мая в Сен-Ле свою мать и императора Александра. В Париже именно на этот день была назначена торжественная панихида по казненным во время революции Людовику XVI и Марии-Антуанетте. Все коронованные особы должны были присутствовать на церемонии. Но Александр I сел в карету и один помчался в Мальмезон, к Гортензии.

...После завтрака император-победитель предложил дамам покататься. Было холодно и сыро, и Жозефине, которой немного нездоровилось, лучше было бы остаться дома в тепле. Но она решила ещё раз пококетничать с Александром – экс-императрица все ещё была уверена, что сможет вернуть его расположение, и втайне надеялась получить от этой связи нечто большее, чем герцогство.

В карете было холодно. Александр, одетый в красный кавалергардский мундир, сидел посередине. Гортензия закинула свои ножки на колени русскому царю и вся прильнула к нему. Жозефину колотило от холода, её не могли согреть даже жаркие волны дикой ревности и злобы. А Гортензия, казалось, не замечала, как дрожит её мать в легком кисейном

платье, и продолжала что-то шептать на ухо Александру.

– Дорогая моя, ведите себя прилично! – наконец, не выдержав, громко сказала Жозефина.

Шёпот смолк. Александр чуть отодвинулся от своей молодой любовницы и удивлённо посмотрел на Жозефину. И тут из угла кареты донесся звонкий голос дочери:

– Мадам, вам действительно лучше было остаться дома! Вы уже не в том возрасте, чтобы вести себя столь безрассудно!

Это было хуже, чем пощёчина.

Когда они вернулись, Жозефина почувствовала себя совсем скверно, её знобило, и она, отказавшись от обеда, легла в постель. В последующие дни она испытывала странную слабость и почти никого не принимала. Был срочно вызван доктор, который поставил диагноз – двустороннее воспаление легких. В последний день она несколько раз впадала в беспамятство, экс-императрицу Франции срочно соборова-ли, и она тихо скончалась...

Наполеону стало известно о смерти Жозефины из газеты, привезённой на Эльбу камердинером.

– Эта женщина любила меня, – прошептал он и, закрывшись в своей комнате, проплакал двое суток. По крайней мере, так утверждают историки. Утром третьего дня Бонапарт приказал подать карету, заявив громогласно: «Чтобы жить, нужно уметь забывать!»

И до позднего вечера смеялся, глупо и неприлично шутил

с местными девицами, которых в огромном количестве привозили к нему сами родители – небогатые помещики острова – в надежде на скорое возрождение императорского престола во Франции.

Павел Киселёв и Алексей Аракчеев

В конце 1815 года Киселёв по заданию императора отправился в командировку на юг России для набора нижних чинов в гренадерские и кирасирские полки и осмотра полков 2-й армии. Так гласит выписка из его официальной биографии. И при этом добавлено, что, по распоряжению военного министра графа Аракчеева, Киселёв должен был расследовать злоупотребления по винному откупу в Крыму.

Винный откуп – система, существовавшая в дореволюционной России, согласно которой государство продавало публично с молотка (или, как тогда называли, на переторжках) право торговать алкоголем посредникам (откупщикам). Эта система приносила большие доходы государству, так как вино и водка были монополией казны.

После войны с Наполеоном водка, как это всегда бывало в нашей стране, стала ходовым товаром, всеобщим эквивалентом. «Преимущество откупа состояло в том, что каждый кабак превращался в маленький банк, – остроумно замечал один из современников. – Туда стекались большие деньги, а они всегда были в России редким товаром».

Это только при советской власти можно было объявить всеобщую трезвость и вырубить в Крыму все виноградники. До революции такое было немыслимо. Хотя бы потому, что винный откуп был главной статьей дохода высшей титуло-

ванной знати: светлейшего князя Потемкина, графа Безбородко, князей Гагариных, Долгоруких, Куракиных, графов Шуваловых, Нарышкиных и других. Да и купцов по российским губерниям опасно было трогать: они не нарушали «монопольку», торговали бутылками, но давали посуду и закуску. «Пей здесь, народ, а если денег сегодня нет, то в долг налью, завтра вдвойне заплатишь...»

Военный министр граф Алексей Аракчеев лично инспектировал Павла Киселёва перед поездкой на юг:

– Милостивый государь, закоренелые предрассудки, неопытность, а особо того нечестность и отсутствие надлежащего контроля в деле винного откупа есть немалая угроза основанию хозяйства государственного. Посему я всегда с особым вниманием взираю на все сведения, доходящие ко мне о благоустройстве винного откупа в Крыму, и имею немалую надежду с вашей, сударь, помощью умножить не токмо казну вседержавную, но и добрые и честные помыслы в армии и среди помещиков в отечестве нашем. Быв свидетелем того порядка, кои в краткое время, без принуждения, одним лишь правильным распределением и тщательным вниманием, успели вы зарекомендовать себя, надеюсь на успех в выполнении и сего задания. Очень прошу стараться и иметь нужное смотрение, дабы менее было пьянства в стране...

Военный министр, как всегда, был витиеват в выражениях, но полковник Киселёв понял всю важность возложенного на него задания.

Военный министр граф Аракчеев был высокого роста, сухощавый, глаза имел суровые, «блеска огневого». Одного его взгляда достаточно, чтобы люди расступались перед ним. Взлёт карьеры Аракчеева произошел после одного случая. Престолонаследник Павел принимал в Гатчине очередной парад. Покинув смотр, он забыл отдать приказ «разойтись». Некоторое время части продолжали стоять на плацу, а потом тихонько ушли. Одна только рота Аракчеева осталась. Та к и стояла до вечера по стойке смирно, пока не доложили о происшествии Павлу. Та к будущий военный министр был замечен престолонаследником. Через два дня после вступления Павла I на престол Аракчеев был уже генерал-майором.

Современники писали, что А. А. Аракчеева было бы странно назвать человеком добрым. Он был неумолим к взяточничеству или нерадению по службе. Тому, кто пробовал его обмануть (а это было почти невозможно), он никогда не прощал; мало того: он вечно преследовал виновного, но и оказывал снисхождение к ошибкам, в которых ему признавались откровенно, и был человеком безукоризненно справедливым; в бесполезной жестокости его никто не вправе упрекнуть. Аракчеев был «деятельности неутомимой». Во время походов, лишь только армия занимала дневные квартиры, его канцелярия мигом принималась за дело. От его зоркого глаза не ускользала даже самая мелкая проблема вверенного ему министерства. Бездельников он не терпел. По окончании войны

с Наполеоном Аракчеев играл особую роль в управлении Российской империей. Это самое время, когда он был «и. о. императора», позднее и называли «аракчеевщиной».

Граф А. А. Аракчеев никогда не гонялся за наградами и чинами. Так, после окончания войны с французами не принял ни звание фельдмаршала, ни орден Андрея Первозванного – высшую награду империи. Мотивировал тем, что непосредственного участия в военных действиях не принимал. Тогда государь пожаловал ему свой портрет, украшенный бриллиантами.

Военный министр портрет оставил, а бриллианты возвратил императору.

Как министр он немало сделал во славу российского оружия. Но на смену XIX веку пришла совсем другая эпоха. Могилу Аракчеева, где он был похоронен в парадном генеральском мундире со шпагой, раскопали местные воры – шпагу унесли, а ненужный прах швырнули обратно в могилу. В 1955 году был вторично ограблен его склеп. В 70-е годы в полуметре от графской могилы прошла теплотрасса, а вскоре это место вообще закатали в асфальт. А Пушкин с горечью писал жене в 1834 году: «Аракчеев умер. Об этом во всей России жалею я один. Не удалось мне с ним свидеться и наговориться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.